

О В ОДНОЙ своей роли она сказала:

— Режиссер объяснял: «Понимаешь, Лиля, мне здесь не нужна просто девочка, мне нужна необыкновенная девочка...». Это так обидно звучит для актрисы, правда? Такая, какая ты есть, не нужна — подавай необыкновенную.

— И вы обиделись?

— Я? Не знаю... не помню... Нет, наверное... Я старалась понять, что он хочет.

Сколько ролей ею сыграно на сцене Русского драматического театра! Галя в «Одни без ангелов», Тоня в «Сталеварах», Хуана в «Тощем призе», Алена в спектакле «Муж и жена снимут комнату», Катрин в «Восьми любящих женщинах», Лаура в «Стеклянном зверинце», Неля в «Жестоких играх»... Маленькие, большие. Комедийные, лирические, характерные, драматичные. И каждый раз, представляю себе, режиссер говорил ей: «Лиля, пойми, мне нужна необыкновенная...». Или не говорил, но обязательно думал. И ведь не один был режиссер — у разных режиссеров она играла и играет сейчас. И каждый раз — необыкновенную. Почти всегда — удивительную девочку. Или девушку. Или молодую женщину. Наверное, потому, что сама необыкновенная.

— В театре, кажется, все привыкли, что Шинкарева играет каких-то ненормальных, полудурочных...

А ведь Шинкарева занята, считай, во всех детских спектаклях. Нет, кажется, сказки, которая обошла бы без нее. Как это соотносить — непонятную странность и зал, полный детей. Дети-то верят только в то, что им близко, понятно их наивному воображению. И эти дети безоглядно верят Лилии Шинкаревой — ее поучающей Зайчихе, ее изыщной, капризно-изломанной Кошке. Детей одной техничностью не «купишь».

— Мне рассказывали, как одна маститая американская актриса показывала нашим студентам урок мастерства. Она говорила что-то, потом оборвала себя на полупреле и заплакала — натуральными слезами. Вот это техника!

— А вы так можете?

— Нет, я от техники еще не могу заплакать.

— Но вы считаете, что это необходимо уметь?

НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ МИР...

— Да, наверное, надо... — она глубоко задумывается. — Конечно, техника... Я не знаю... Это тоже очень важно...

Мысленно она проговаривает длинный монолог, в котором яростно сталкиваются представления об актерском мастерстве, о том, что необходимо актеру, а без чего можно обойтись, и что вовсе ему мешают. Этот монолог настолько экспрессивен, что лицо Лилии Шинкаревой меняется каждую секунду. Но вслух проговаривать слова она не успевает — настолько напряженно работает мысль.

Наконец, ей кажется, что формулировка найдена. Но за это время Лилия успела далеко убежать мыслями.

— Если сцена не получается, значит, что-то в ней неправильно выстроено. Иначе просто быть не может. Где-то ошибка, пробел... провал... Ну, знаете, как в жизни... Выпало какое-то звено, и оборвалась цепочка — трагедия... Вы считаете, я не права?

Утверждать то, чего ты не знаешь, трудно, но мне почему-то кажется, что режиссерам легко с ней работать. Она верит собеседнику, Лилии интересно его мнение. Она искренна в общении. Такое вот ценное и, увы, чем дальше, тем более редко встречающееся качество.

Но ей самой необходимо столь же безграничное доверие.

— Если мне не верят, я ничего не могу. Не могу работать, когда я с кем-то в конфликте. Это меня расстраивает, я тогда теряюсь.

— А некоторым, наоборот, для того, чтобы собраться перед какой-то важной сценой, необходимо как следует разозлиться.

— Да, я слышала... я знаю... Может быть... Но почему-то я так не могу... Раньше мне казалось, что весь свой накопленный багаж нужно «тащить» на сцену — горести, беды, обиды — у всякого ведь они есть, и тогда роль будет получаться сложнее, объемнее. Теперь я уже так не думаю. Хорошее настроение надо.

— А откуда черпать сложность?

— О, настоящий ее источник совсем другой. Отношения человеческие. Они сейчас так усложнились. И все-таки, мне кажется, это единственное, на чем мы держимся, на чем держится мир. На успехах и достижениях, говорят, на благополучии каком-то... Не думаю. На отношениях с людьми. И только. От них — и радости, и беды. И все, чем мы живем... Я слишком красиво говорю?.. Но ведь это правда, честное слово!.. Вы мне не верите?

Я верю. Потому что в том, как она говорит, и в том, что она говорит, есть какая-то святая простота. Недаром ей дают играть необыкновенных героинь.

— Творим, творим, делаем

что-то... Не дай бог, однозначно. Нельзя однозначно. Это все равно, что кого-то предать... Раньше я тоже думала: вот этот человек плохой, а этот хороший, этот честный, а этот... Нет таких! Все — сложные. Сложные в жизни. Как же их на сцену выводить однозначными? Кто ж поверит?.. Вот человек кому-то улыбнулся, а, отойдя, на метр, стер улыбку с лица и помрачнел. «У, какой лицемерный!» — раньше так и подумала бы. А теперь... Сложно все, очень сложно. Откуда мы знаем, что у человека на душе творится? Прожить и пережить надо много, чтобы понять.

— А может, Лиля, с годами просто тает наша бескомпромиссность?

— Вам так кажется?.. Нет, вряд ли... Мудрее станем.

...В спектакле «И счастья в личной жизни» у нее почти вся роль — один монолог. Монолог женщины, обделенной в жизни любовью. Очень трудно максимально раскрыться в одном монологе, а у Шинкаревой за десятком фраз выростала сложная человеческая судьба — со всей ее запутанностью, изломанностью, быть может, даже искорененностью. Хотя вдуматься — что происходило на сцене? Рассказывал человек о себе. Но актриса пропускала незначительный драматургический материал сквозь плотно сконцентрированный пласт женской психологии, накопленный веками, — и на сцене рождался образ, потрясавший драматичностью.

— Нельзя... нельзя себя беречь. Раз поберегла — нервы, голос, два поберегла, три — себя пощадила... А потом что? Надо к зрителю с «тонкой кожей» и обнаженными нервами выходить. А как? Огрубела... поздно...

Ее героини наделены самым главным, женским — способностью любить. Любить не сознанием и пониманием своего чувства — любить всем своим существом, без оглядки, без прикидки на то, во что эта любовь выльется. Во многом они действительно странные. А может, странные мы, считающие эту естественную способность отличительной особенностью — не важно со знаком «плюс» или «минус»? Может, мы чего-то недопонимаем в этой

жизни? Ее, актрису, почему-то не удивляют ни характеры, ни поступки героинь. «Ведь она так чувствует. Она по-другому просто не может. Иначе это была бы уже не она, а какая-то другая...». Какую-то другую, наверное, и не предложили бы сыграть Лилии Шинкаревой.

На чем держится мир? На трех китах? На четырех слонах? На любви человеческой.

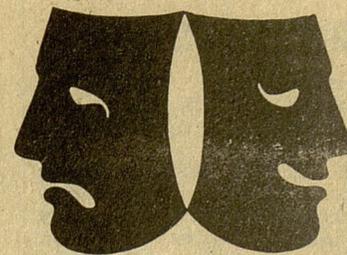
— В «Стеклянном зверинце» нам с режиссером Александром Цукерманом хотелось, чтобы моя Лаура была не больной, не убогой. Ради этого просто не стоило бы ставить спектакль. Режиссер говорил мне: «Твоя Лаура — это неосуществленные человеческие возможности. Она наделена такой потрясающей способностью любить. Какой бы она могла стать матерью, женой!». И чтобы убедить меня окончательно, добавлял: «А кончит в сумасшедшем доме». Это чрезмерность, конечно, но все-таки...

Ее Лаура — тоже необыкновенная. С ней нельзя обращаться так, как со всеми. Ее мир настолько высок, что она просто не вынесла бы обыденности. Можно говорить о каких-то издержках спектакля, но актеры Лилия Шинкарева и Александр Рязанцев отчетливо понимали и несли со сцены эту несообразность происходящего. Постепенно Джим — Рязанцев начинал осознавать, что происходит в душе Лауры — Шинкаревой. Он отдавал себе отчет в том, что никогда не сможет постичь ее духовный мир, и поэтому уходил от нее. Физический дефект — хромота здесь уже не играла никакой роли — Джиму понадобилось большое мужество, чтобы признаться себе: с этой девушкой, именно с этой девушкой, нужен другой уровень общения, на который он никогда подняться не сможет. Какой же нужно было быть девушкой, чтобы он это понял.

Ее героини умеют любить. И им почти всегда в любви не везет. Ее героиням, чтобы не только быть любящими, но и стать любимыми, необходимы герои, которые бы ощущали тончайшую одухотворенность, исходящую от этих обыкновенных необыкновенных девушек.

Никита в «Жестоких играх» говорит в самом начале

TEATRIKUU

о Неле: «Да она неприбранная, плохо одета». А потом, в конце: «А радоваться мне будешь?». Он понимает, что она-то будет радоваться, она, если полюбила, иначе не умеет.

— Скажите, а Неля не злая? Не ваша Неля, а из пьесы.

— Вам кажется, что она злая? Что вы! Это неправда! Ведь те глупости, которые она творит, — не от злости, от недопонимания. Вернее, от собственной убежденности в том, что поступает правильно, что именно так нужно поступить. Она всем добра желает. И хочет, чтобы добро, не ее добро, а то, которое делают другие, было по справедливости вознаграждено...

Все-таки она удивительно верна себе. И своей теме. У одной из героинь Лилии Шинкаревой есть реплика: «Если делать зло, в этом зле, как в глубоком колодеце, потонешь». Это — как эпиграф к характеру актрисы.

Сейчас Лилия Шинкарева репетирует роль Саши Глебовой в спектакле режиссера Вячеслава Петрова «Старый дом». И вновь роль требует не просто игры, а боли, пропущенной сквозь себя самое. Огромной затраты душевных сил. Как, впрочем, любая роль.

А еще хотелось бы прийти в театр на вечер Лилии Шинкаревой — она прекрасно поет и читает стихи.

— ...Иногда я думаю: если поменяю вдруг театр — мало ли что случается — стану совсем другой. Буду держать себя строго, замкнуто. Буду сдержаннее... Только ведь не смогу... Потому что это уже буду не я.

Не сможет. Потому что это уже будет не она.

Эльвира ПАКСЮТОВА.